

Л. Спрагю ДЕКАМ

ПРИКАЗ

Фантастический рассказ

Джонни Блэк достал с книжной полки пятый том Британской энциклопедии и открыл его на разделе «Химия». Поправив эластичную ленту, удерживавшую очки, он нашел то место в тексте, где остановился в прошлый раз. Но, прочитав несколько строк, Джонни Блэк с сожалением убедился, что ничего не понимает и что, прежде чем читать дальше, ему придется обратиться к профессору Мэтьюну за разъяснением. Между тем Джонни Блэку нужно было обязательно постичь химию, благодаря которой он так изменился и даже научился читать энциклопедию.

Дело в том, что Джонни Блэк был не человеком, а черным медведем *Euarctos americanus*. Профессор Мэтьюн ввел в его

мозг химический препарат, изменивший сознание медведя, и сложные электрические процессы, именуемые «мыслью», стали для Джонни такими же простыми, как если бы у него был большой мозг человека

Основной чертой характера Джонни была любознательность, поэтому желание узнать все, что относится к этим химическим процессам, стало главным содержанием его жизни.

Джонни бережно перелистывал страницы лапой. Однажды, правда, он попытался перевертывать их языком, но порезал его о край страницы. На беду в тот раз вошел профессор Мэтьюн, и Джонни попало за то, что он обслюнявил листы книги. Кроме того, именно в тот раз Джонни предавался тайному пороку жевания табака, в чем профессор имел возможность убедиться по коричневым следам на страницах своих дорогих изданий.

Оставив попытки разобраться в химии, Джонни прочитал статьи «Хинди» и «Хирургия». Это несколько утолило его жажду новых знаний. Затем он убрал очки в футляр, прикрепленный к ошейнику, и заковылял к выходу.

Остров Сант-Круа изнывал под палящими лучами карибского солнца. Как все медведи, Джонни был дальтоником и не видел синевы неба и сочной зелени холмов. Но он не очень жалел об этом. Ему хотелось бы только, чтобы его зрение было поострее и он мог бы различать суда, стоящие в бухте Фредерикстэд. Профессор Мэтьюн без очков видел их даже с территории биологической станции. А больше всего Джонни огорчало отсутствие пальцев и несовершенство речевого аппарата. Иногда даже он думал о том, что если уж ему, животному, довелось стать обладателем мозга человеческого типа, то лучше было бы, если б он был обезьяной вроде Мак-Джинти, шимпанзе, которая жила в клетке.

Джонни с тревогой вспомнил о Мак-Джинти. С самого утра из ее клетки не доносилось ни звука, а между тем старая обезьяна имела привычку громко визжать и швыряться чем попало в каждого, кто проходил мимо. Подгоняемый любопытством, Джонни направился к клетке. Маленькие обезьянки при приближении медведя подняли визг, но Мак-Джинти молчала. Поднявшись на задние лапы, Джонни увидел, что шимпанзе сидела в глубине клетки, привалившись спиной к стенке, и тупо глазела в пространство. Джонни даже показалось сначала, что она умерла, но тут же он заметил, что шимпанзе дышит. Медведь издал легкое ворчание. Шимпанзе посмотрела в его сторону, ее конечности вздрогнули, но она не поднялась. Наверное, она заболела, подумал Джонни, и ему нужно пойти предупредить об этом сотрудников лаборатории, но тут же его маленькая эгоистическая душа стала твердить, что скоро придет Пабло, принесет шимпанзе обед, увидит, что с ней, и доложит о состоянии обезьяны ученым.

Медведь подумал о том, что пора бы уж Гонории звонить в колокол и приглашать ученых к столу. Но колокол не звонил. Вокруг было необычайно тихо. Единственными звуками, разносившимися в воздухе, были крики птиц, вопли обезьян в вольерах и пофыркивание движка электрогенератора на участке Бемиса, расположенном по другую сторону холма.

Джонни часто задавал себе вопрос: чем занимается эксцентричный ботаник? Ему было известно, что все биологи станции недолюбливали Бемиса. Приходилось ему слышать и замечания профессора Мэтьюна о людях Бемиса, в особенности о развязных типах, ходивших в сапогах для верховой езды, хотя на всем острове не было ни одной лошади.

Бемис, по сути дела, не принадлежал к числу сотрудников научной биологической станции. Просто сделанный им благотворительный взнос показался казначею университета достаточным основанием для выдачи Бемису разрешения на строительство дома и ботанической лаборатории.

Джонни чуть было не отправился в сторону дома ботаника, но сразу же вспомнил, какой шум тот поднял в прошлый раз, когда увидел на своем участке медведя.

Но, по крайней мере, была возможность выяснить, что помешало Гонории нарушить установившийся порядок дня, и Джонни двинулся в направлении кухни. Подойдя к ней, он сунул свою желтую морду в дверь. Внутрь он не вошел, потому что знал о непонятном предубеждении поварахи против присутствия Джонни.

Ему в нос ударил запах пригорающей пищи. Гонория сидела у окна. Она была неподвижна, как черная скала, и ее взгляд был бессмысленно устремлен на стену. Легкое ворчание Джонни произвело на нее не большее впечатление, чем на шимпанзе Мак-Джинти.

Это сильно обеспокоило Джонни, и он пустился на поиски профессора Мэтьюна. В гостиной его не было, зато там были все остальные биологи станции. В шезлонге сидел знаменитый доктор Брюкнер. На его коленях лежала развернутая газета. Ученый не обращал на Джонни никакого внимания. Медведь осторожно укусил его за колено, но Брюкнер лишь слегка отодвинул ногу. Сигарета, выпавшая из руки Брюкнера, прожгла большую дыру в ковре. Здесь же сидели доктор Маркус, Риерсон и его жена. Все они были неподвижны, словно статуи. В руках у жены Риерсона была грампластинка, вероятно, с танцевальной музыкой, которую она очень любила.

Джонни затратил еще несколько минут на поиски своего кровителя и наконец нашел его в спальне. Профессор Мэтьюн в одном белье лежал в постели и неподвижно смотрел в потолок. С виду он не казался больным: дыхание профессора было ровным, но тело его было совершенно неподвижным, и заставить профессора двигаться можно было только подталкиванием или покусыванием. Усилия Джонни расшевелить Мэтьюна привели лишь к тому, что он встал с постели, словно во сне пересек комнату и опустился в кресло у окна с взглядом, обращенным вдаль.

Через час Джонни прекратил попытки добиться от ученых биологической станции разумных действий и вышел из дому, чтобы собраться с мыслями. Обычно он очень любил думать, но на этот раз у него было слишком мало фактов, чтобы ими можно было оперировать.

Что он должен сделать?

Джонни мог снять телефонную трубку с аппарата, но он не умел говорить и не смог бы вызвать врача. Если он пойдет в

Фредерикстэд и попытается силой принудить врача прийти сюда, его могут попросту пристрелить.

Во время этих размышлений взгляд Джонни случайно обратился в сторону участка Бемиса. К его удивлению, над гребнем холма в воздух поднималось нечто круглое. Это нечто, медленно покачиваясь, вскоре исчезло в синеве небес. Джонни когда-то читал о воздушных шарах и знал, что Бемис проводит ботанические опыты с применением таких шаров. За первым воздушным шаром поднялся еще один, потом еще, и так продолжалось довольно долго. Шары вереницей поднимались в небо и исчезали из виду.

Это было уже слишком, и оставаться в стороне от происходящего Джонни больше не мог. Он горел желанием выяснить, для чего потребовалось заполнять небеса воздушными шарами диаметром в метр. А кроме того, ему, быть может, удастся привести Бемиса на биологическую станцию и показать ему оцепеневших сотрудников и профессора Мэтьюна.

У одной из стен дома Бемиса Джонни увидел грузовой автомобиль, груды какого-то оборудования и двух людей. Тут же лежал ворох оболочек воздушных шаров. Люди брали их одну за другой, надевали на трубку, торчавшую из какого-то аппарата, наполняли оболочку газом и выпускали в воздух. Снизу к каждому воздушному шару была прикреплена небольшая коробочка.

— Дьявол! — крикнул один из мужчин, увидев Джонни, и схватился за кобуру пистолета.

Джонни поднялся на задние лапы и медленно протянул одну из передних лап в сторону людей. Он знал, что такой жест, если он внезапно встречался с людьми, был способен засвидетельствовать им его добрые намерения. Джонни не очень заботило, боятся ли его люди, но он хорошо знал, что многие из них ходят вооруженными и становятся опасными, если их застают врасплох.

— А ну проваливай отсюда, ты! — сказал человек.

Несколько озадаченный, Джонни открыл пасть и произнес:

— Шо?

Его друзья-ученые на станции знали, что это следует понимать как «Что вы сказали?» или «Что здесь случилось?».

Но вместо того, чтобы спокойно ответить на вопрос, человек выхватил пистолет и выстрелил.

Когда пуля 38-го калибра срикошетила по его толстому медвежьему черепу, из глаз Джонни посыпались искры. В следующее мгновение медведь так стремительно мчался к воротам, что гравий летел из-под ног. На короткие дистанции Джонни мог развивать скорость в 35 миль, а длительное время бежать со скоростью 30 миль. Сейчас он побивал все свои прежние рекорды.

Когда он прибежал на биологическую станцию, то сразу же направился в ванную и стал рассматривать в зеркале свою рану. Она оказалась не очень серьезной, хотя от удара пули у Джонни страшно разболелась голова. Завязать рану он не мог. Но он сумел открыть кран, промыл рану водой и вытер лоб полотенцем. Потом он достал флакон с йодом, открыл зубами пробку и, удерживая флакон лапами, вылил немного

жидкости на лоб. Почувствовав боль от ожога, Джонни взревел и пролил несколько капель на пол, что его очень обеспокоило. Ведь когда профессор Мэтьюн увидит пятна, он, конечно, задаст ему порядочную взбучку.

Джонни осторожно вышел из дому и, внимательно поглядывая в сторону участка Бемиса, чтобы вовремя заметить двух негодяев, если они появятся, задумался. Что-то подсказывало ему, что между этими людьми, воздушными шарами и странным оцепенением ученых биологической станции есть какая-то связь. Ну а что же сам Бемис? Впал ли он сам в это оцепенение, как другие ученые, или нет? А может быть, он и есть источник всех этих событий? Джонни очень хотелось все это выяснить, но он боялся новых выстрелов.

Внезапно Джонни чуть не подпрыгнул от неожиданной мысли: перед ним открылись блестящие возможности извлечь из всех этих событий пользу. И он направился к кухне.

Ему повезло, потому что каждая из его лап была снабжена природными ножами для открывания консервных банок. Но он успел съесть только несколько банок с персиковым компотом, а потом шум перед домом заставил его взглянуть в окно. Джонни увидел, что к крыльцу подъехал грузовик, который он уже видел на участке Бемиса, и из него вышли два знакомых ему негодяя.

Медведь бесшумно проскользнул в столовую и принялся слушать под дверью, приготовившись, если негодяи вздумают ее открыть, сразу же задать стрекача.

Сначала он услышал, как открылась дверь в кухню, а потом раздался голос того, кто стрелял в Джонни.

— Эй ты! Как тебя зовут?

Гонория, все так же неподвижно сидевшая у окна, бесцветным голосом ответила:

— Гонория Велес.

— Хорошо, Гонория. Ты поможешь нам вынести и погрузить на машину кое-что из продуктов. Поняла?

— Послушай, Смоук, видишь этот беспорядок? Определенно тут побывал медведь. Если увидишь его — стреляй! Отбивные из медвежатины — преотличная штука. Это ты уж мне можешь поверить.

Второй мужчина промычал в ответ что-то невразумительное, и Джонни услышал шлепанье туфель Гонории по кухне, а затем снова звук открываемой двери. Все еще испытывая страх перед перспективой превратиться в отбивные, Джонни слегка приоткрыл дверь. Через стекло входной двери он увидел Гонорию с прудой провизии в руках. Она покорно складывала в кузов грузовика консервные банки и пакеты. Двое негодяев уже сидели в машине и, покуривая, наблюдали, как негритянка выносит из кухни и грузит в машину все новые и новые партии пакетов и банок.

Потом один из негодяев сказал: «Ну хватит!» — и Гонория тут же опустилась на ступеньку крыльца, сложила руки на коленях и снова замерла в неподвижности. Грузовик уехал.

Джонни выскочил из своего укрытия и побежал к группе деревьев, которые росли в конце участка биологической станции, как раз напротив дома Бемиса. Они стояли на вершине холма

и могли одновременно служить хорошим укрытием для наблюдения и исходным пунктом для нападения.

Здание станции, подумал Джонни, было слишком тесным для него и тех двух негодяев, которые намерены брать с кухни провизию и убить его, если он с ними повстречается.

Но тут он вспомнил о поведении Гонории. Негритянка, в обычных условиях отличавшаяся непоколебимым упрямством, без всяких возражений выполняла все распоряжения. Значит, болезнь или что-то другое не причинило вреда ее здоровью и не расстроило умственных способностей. Это состояние только лишило ее самостоятельности действий и собственной воли. Гонория помнила свое имя и четко выполняла все приказания.

Почему же он сам, думал Джонни, не стал жертвой такой же оцепенелости? Но, вспомнив шимпанзе, Джонни понял, что в таком состоянии, по-видимому, могли находиться только существа с высокоорганизованной нервной системой.

Из своего укрытия Джонни видел все новые и новые шары, поднимавшиеся в небо. Затем из дома Бемиса вышли еще двое и стали разговаривать с теми, что наполняли шары газом и выпускали их в воздух. Одним из двух новых людей был сам Бемис. У медведя не осталось сомнений: ботаник Бемис был, безусловно, главарем этой шайки. Таким образом, у Джонни оказалось сразу четыре врага. Но как с ними справиться? Вот этого он еще не знал. Но, по крайней мере, он мог пока заняться оставшимся на кухне продовольствием, пока его еще не забрали бандиты.

Джонни вновь отправился на кухню и приготовил себе литровую кружку кофе. Ему повезло, так как огонь на газовой плите продолжал гореть. Джонни вылил кофе на сковороду, чтобы он скорее остыл, и вылакал всю жидкость, закусывая целой буханкой хлеба.

Кофе оказал на Джонни благотворное действие: его голова прояснилась, и он стал составлять план нападения на дом Бемиса. Все детали плана в конце концов представились ему так ясно, будто он уже приводил его в исполнение. Но уже стемнело, и Джонни решил дождаться утра.

Он проснулся на рассвете и снова начал следить за домом Бемиса. Вскоре два человека вышли из дома на улицу и вновь принялись наполнять воздушные шары. Потом раздался кашляющий звук запускаемого двигателя генератора.

Джонни решился. Сделав большой крюк, он подкрался к дому Бемиса с противоположной стороны и забрался под дом: как и в большинстве построек на Виргинских островах, у дома Бемиса не было подпола. Медведь полз до тех пор, пока поскрипыванье половиц не показало ему, что находившиеся в здании люди ходят прямо над его головой. Он узнал голос Бемиса.

— ...Эл и Шорти, а теперь и все эти идиоты застряли в Гаване и не смогут попасть сюда, потому что все линии коммуникаций в районе Карибского моря будут прерваны.

Другой голос ответил:

— Думаю, что через какое-то время они догадаются приказывать владельцу какого-нибудь катера или самолета доставить их сюда. Это единственное, что им следует сделать, когда все на-

селение Кубы окажется под действием... Сколько воздушных шаров нам надо еще выпустить?

— Весь имеющийся у нас запас, — ответил Бемис.

— Но разве мы не должны приберечь некоторое количество? Пожалуй, не стоит коротать здесь остаток жизни в надежде, что космические лучи еще раз вызовут необходимые нам мутантные изменения в спорах, посланных в стратосферу, чтобы получить такие, как эти...

— Я сказал, что мы должны выпустить все воздушные шары, а не израсходовать все споры, Форней. Их у меня достаточный запас, и, кроме того, я все время занимаюсь выращиванием новых штаммов. Как бы там ни было, будем надеяться, что нам хватит имеющихся запасов спор для того, чтобы обработать ими весь земной шар. Сколько на это потребуется времени? Может быть, недели. У нас не было ни одного шанса из миллиона, что мы получим такую мутацию, а она получилась! Именно поэтому я расцениваю наш успех, как предзнаменование свыше, как указание на то, что именно мне предопределено править миром и вывести его из трясины сомнений и заблуждений. И я сделаю это! Бог наделил меня этой властью, и он не оставит меня!

Мозг Джонни работал с огромным напряжением. Медведю было известно, что Бемис — специалист по плесневым грибок. По всей вероятности, ботаник поднял в стратосферу споры плесневых грибов, и под действием космических лучей в них была получена мутация, наделившая споры парализующим свойством: через нервные окончания дыхательной системы споры вызывали в мозгу торможение воли.

И теперь Бемис рассылал на воздушных шарах эти споры по всему свету, чтобы парализовать волю всего человечества. Но так как ни он, ни его подручные не были восприимчивы к действию спор, то должен был существовать какой-то препарат или средство, защищающее их от воздействия. Очень может быть, что это средство Бемис держит где-то поблизости.

Один из мужчин, наполнявших воздушные шары, сказал:

— Десять часов, Берт. Пора идти за почтой.

— Какая там еще почта! В Фредерикстэде все сидят словно окаменевшие.

— Да, пожалуй, ты прав. Но мы должны их покормить, чтобы они не околели с голоду. Они еще должны поработать на нас.

— Ну вот ты, Смоук, пойдешь и займешься ими, а я тем временем покурю. Может, тебе удастся опять наладить телефонную связь.

Джонни видел, как пара сапог исчезла в грузовике, который тут же уехал. Другая пара сапог подошла к крыльцу, и человек уселся на ступени. Джонни помнил, что напротив дома росло большое дерево, ствол которого стоял у самой стены...

Через четыре минуты Джонни спустился с дерева на крышу дома, и теперь он смотрел на него, курившего на ступенях крыльца, сверху.

Берт докурив сигарету, бросил ее на землю и встал. В то же мгновение Джонни прыгнул на его спину, и Берт рухнул ничком на землю. Прежде чем он набрал в грудь воздуха, чтобы

крикнуть, тяжелая лапа медведя стукнула его по затылку. Человек дернулся и затих.

Джонни прислушался. В доме было тихо. Но человек по имени Смоук должен был скоро приехать на грузовике... Медведь торопливо втащил тело Берта под дом. Затем с большими предосторожностями он приоткрыл входную стеклянную дверь и, втянув когти, чтобы они не клацали по полу, пробрался в дом. Ему нужно было выяснить, где находится Бемис. Голос ботаника слышался из-за двери прямо.

Джонни тихонько толкнул ее. Перед ним была лаборатория ботаника, в ней повсюду стояли горшки с цветами, стеклянные ящики с растениями, химическое оборудование. Бемис и какой-то молодой человек сидели в противоположном конце комнаты.

Джонни пересек половину комнаты прежде, чем они его заметили. Оба вскочили на ноги.

— Боже мой! — крикнул молодой человек.

Когда правая лапа Джонни коснулась живота Бемиса, ботаник издал короткий душераздирающий крик. Бемис попытался шагнуть, потом пополз и распластался в луже крови. Молодой человек схватил стул, но Джонни встал на задние лапы и так хватил по стулу, что он отлетел в противоположный конец комнаты и с грохотом врезался в какое-то оборудование. Человек кинулся было к двери, но не успел сделать и трех шагов, как Джонни подмял его под себя...

Теперь Джонни оставалось только разделаться со Смоуком, когда тот вернется из города.

Медведь осмотрелся и увидел четыре автоматических ружья в подставке для зонтов в углу комнаты. Джонни стрелял превосходно — настолько, конечно, насколько ему позволяло его слабое зрение.

Медведь приоткрыл затвор ружья и убедился, что оно заряжено. Затем он устроился у окна и стал ждать.

Когда приехал грузовик и Смоук вышел из кабины, из окна грянул выстрел, сразивший его наповал.

Уничтожив шайку, Джонни принялся за поиски противоядия. Наверняка Бемис держал его где-нибудь, вероятнее всего, в письменном столе. Стол оказался запертым, но, несмотря на то, что ящики были сделаны из листовой стали, изобретательному медведю нетрудно было их вскрыть.

Он поддел когтями нижний ящик, поднатужился, ящик со скрежетом выдвинулся. Джонни выдвигал их один за другим. В верхнем лежали большая плоская бутылка с надписью «Йодистый калий» и два больших шприца. Вероятней всего, это и было противоядие — его нужно было вводить шприцем. Но как он сумеет проделать эту сложную процедуру своими неуклюжими лапами?

Джонни осторожно вытащил зубами пробку. Сжав корпус шприца в лапах и вытягивая шток зубами, он снова и снова пробовал наполнить шприц жидкостью, и наконец это ему удалось.

Со шприцем в зубах медведь опрометью кинулся к биологической станции.

Прежде всего Джонни попытался сделать укол профессору

Мэтьюну. Но стоило игле воткнуться в тело, как профессор дернулся и отодвинулся. Так повторилось еще несколько раз. Наконец, не выдержав, Джонни сгреб профессора в охапку и придавил его к полу, но Мэтьюн рванулся с такой силой, что игла сломалась.

Собрав обломки шприца, Джонни задумался. За исключением отсутствующих Эла и Шорти, скоро он останется, по всей вероятности, единственным разумным существом на всем земном шаре, способным к активным и целенаправленным действиям. Его, правда, не очень беспокоила судьба человечества, которое состояло, как он успел узнать, в значительном большинстве из чрезвычайно скверных экземпляров, но он испытывал привязанность к своему покровителю профессору Мэтьюну. А кроме того, — и это было с его точки зрения самым важным, — Джонни не нравилось то, что в случае гибели человечества он будет обречен питаться тем, что едят дикие медведи, его бывшие сородичи. У него, конечно, будет полная свобода пользования всей библиотекой биологической станции, но не останется никого, кто бы мог ему разъяснить непонятные места из раздела «Химия», а также из других разделов и областей научных знаний, в которых он не сумеет разобраться сам.

Джонни вновь отправился на станцию Бемиса, взял бутылку и оставшийся шприц и наполнил его, как в прошлый раз.

Новые попытки сделать укол профессору Мэтьюну опять ни к чему не привели. Биолог каждый раз вырывался, а Джонни действовал со всей возможной осторожностью, боясь сломать свой последний шприц. Ничего не получилось у него и с Брюкнером, Бюве и Гонорией.

Джонни пошарил в гараже и нашел моток веревок. С их помощью он попытался связать Гонорию, чтобы лишить ее возможности двигаться. Но скоро он сам запутался в веревках, а негритянка, действуя как автомат, сбросила с себя все петли.

Устав от бесполезных усилий, Джонни присел отдохнуть. Ему начинало казаться, что выхода из создавшегося положения он не найдет. Оцепенение, охватившее сотрудников станции, проходило только тогда, когда они получали устное приказание. Вот если бы кто-нибудь приказал им взять в руки шприц и сделать себе укол, они бы сделали это...

Джонни положил перед профессором шприц и попытался сказать ему, что надо делать. Но медведи не могут говорить. Все его попытки произнести фразу: «Возьми шприц» были, конечно, похожи лишь на бессмысленное «Ф-ф-ф-оф-и-и-ф-ф-ф-и-г». Профессор в ответ бессмысленно таращил глаза.

Джонни принялся бродить по гостиной, надеясь: что-нибудь подскажет ему все-таки выход из положения. Спустя некоторое время он оказался в комнате, где стояла пишущая машинка. И вот здесь его вдруг осенило! Конечно, он не мог писать карандашом, но его научили печатать на машинке.

Стул под тяжестью его тела застонал, но не развалился. Медведь взял зубами лист бумаги, вставил его в машинку и обеими лапами начал вращать валик. С помощью одной лапы он медленно отстучал: «Возьми шприц и сделай себе укол в руку». Слово «шприц» Джонни написал не совсем правильно, но это обстоятельство его не очень тревожило.

С листком бумаги в зубах Джонни кинулся к людям. На этот раз Джонни положил на стол перед Мэтьюном шприц, громко заворчал, чтобы привлечь внимание профессора, и помахал перед его глазами листом бумаги. Но биолог только рассеянно взглянул на лист и отвернулся. Раздраженно ворча, Джонни убрал шприц в сторону и принялся силой принуждать профессора прочитать текст. Но чем больше усилий прилагал Джонни, тем с большей настойчивостью профессор старался вырваться из его лап.

Джонни решил немного передохнуть. Он убрал шприц и приготовил себе кварту кофе. Напиток получился слабенький, потому что молотого кофе больше не оказалось, но Джонни все же надеялся, что кофе освежит ему голову, и он сумеет придумать что-нибудь новое.

Выпив кофе, он вышел из здания и стал бродить по саду, изо всех сил стараясь что-то придумать.

Ситуация была нелепой до комичности, и даже его ничтожного медвежьего чувства юмора хватило на то, чтобы это понять. Ведь чтобы привести ученых в себя, всего лишь требовалось произнести несколько слов приказа. Он знал эти слова — он, единственное существо во всем мире, но произнести эти слова не мог.

Настала еще одна ночь. В клетках биологической станции кричали не кормленные уже два дня животные. Они мешали Джонни спать, и он проснулся задолго до рассвета. Ему показалось, что во сне к нему пришла какая-то очень интересная мысль, но он никак не мог ее вспомнить...

Но стоп! Эта мысль имела какое-то отношение к Брюкнеру. А он был специалистом по психологии речи, не так ли? Брюкнер имел обыкновение работать с магнитофоном. Джонни видел не раз, как Брюкнер записывал на магнитофон вопли обезьяны Мак-Джинти.

Джонни бросился в комнату Брюкнера.

Как он и ожидал, магнитофон там был. Джонни открыл его крышку и в течение двух часов старался понять, как надо с ним обращаться. В конце концов ему удалось все-таки настроить магнитофон на режим записи речи, и он прорычал в микрофон свое «у-у-у-а-ах». Он остановил запись, переключил аппарат на воспроизведение и нажал кнопку. В течение нескольких секунд слышалось легкое шипение, а потом динамик рывкнул: «У-у-у-а-ах!»

Итак, перед ним открывалась новая возможность, но он еще толком не знал, как сможет ею воспользоваться. Но ведь Брюкнер держал где-то целую коллекцию разнообразных записей... После довольно продолжительных поисков Джонни обнаружил их в одном из ящиков стола. Он перебирал коробки и читал наклеенные на них надписи.

«Крики птиц: красно-зеленого попугая мако, какаду, майны». Эта запись ему ни к чему.

«Лепет малыша в возрасте 6—9 месяцев». Тоже в сторону. «Ланкаширский диалект».

Джонни поставил катушку с этой записью на магнитофон и прослушал монолог о маленьком мальчике, который стал до-

бычей льва. Содержание этой пленки никак не могло быть ему полезным.

Следующая катушка имела наклейку с надписью: «Курс разговорной американской речи. № 72-В. Графство Линкольн, Миссури». При воспроизведении записи Джонни услышал сказку:

«Однажды жила-была крыса, которая никогда не имела своего мнения. Каждый раз, когда другие крысы спрашивали ее, не хотела бы она пойти с ними погулять, она отвечала им: «Я не знаю». А когда ее спрашивали: «Ты что, хочешь остаться дома в норе?» — она не могла сказать ни да, ни нет. Так она всегда увиливала от ответа на вопрос.

Но вот однажды ее тетя, обращаясь к молодой крысе-племяннице, сказала: «Ну, хватит! Делай как я тебе скажу!..»

Рассказ продолжался, но Джонни уже его не слушал. У него наконец было именно то, что нужно. Если бы ему теперь удалось воспроизвести профессору Мэтьюну последнюю фразу, закончились бы все его волнения.

Но ведь эти слова находились где-то в середине рассказа... Ему же нужно было воспроизвести только их — чтобы выделить этот приказ для профессора. Но как это сделать: магнитофон у него один, а их надо два, чтобы перезаписать на второй нужную часть пленки!..

Джонни заскулил от отчаяния и бессилия. Потерпеть поражение, когда, казалось, победа совсем близко. Ему захотелось бросить магнитофон в окно: по крайней мере, можно было получить хоть некоторое удовлетворение при виде того, как он разобьется о землю!

И тут его вновь осенило. Как же он мог забыть? Схватив магнитофон Брюкнера, медведь опрометью кинулся в гостиную, где стоял маленький портативный магнитофончик, служивший ученым развлечением в часы отдыха.

Джонни подключил маленький магнитофон к магнитофону Брюкнера и стал ждать момента, чтобы нажать лапой кнопку записи, когда заговорит тетка крысы. Прошло два часа. Джонни испортил несколько метров пленки и наконец добился того, чего так хотел.

Он взял портативный магнитофон и вернулся к профессору. Магнитофон он поставил на стол и рядом положил шприц. Включив магнитофон, он стал ждать. Сначала из динамика слышалось только шипение, потом раздался резкий голос: «Ну хватит! Делай как я тебе скажу!..»

Глаза профессора Мэтьюна стали осмысленными, и Джонни сразу же поднес к его лицу лист бумаги с одной-единственной строкой, вкривь и вкось напечатанной на машинке. Профессор прочитал и, не выражая никаких чувств, взял шприц и вонзил его себе в руку.

Джонни выключил магнитофон. Теперь надо было ждать, окажет ли жидкость свое действие. Но вот полчаса спустя профессор Мэтьюн провел рукой по лицу и потер лоб. Первые сказанные им слова было трудно разобрать, но постепенно его голос набирал силу, слова становились все разборчивее — так все громче и громче начинает говорить радиоприемник, по мере того как он нагревается после включения.

— Послушай, Джонни, что же это со всеми нами произо-

шло? Я помню абсолютно все, что произошло за эти три дня, но мной владело какое-то оцепенение, я не мог даже говорить!..

Джонни поманил профессора за собой и направился в комнату, где была пишущая машинка. Профессор Мэтьюн, поняв Джонни, заправил в нее свежий лист бумаги.

Прошло некоторое время, пока слово за словом Джонни отстукал весь рассказ о том, что происходило на станции за последние дни. Профессор прочел, долго молчал и наконец сказал:

— Пойдем-ка, старина! Нам предстоит поработать. Прежде всего нужно привести в себя всех наших друзей, а для этого надо их заставить сделать себе уколы. Подумать только — медведь выступает в роли спасителя человечества! Отныне я разрешаю тебе жевать столько табаку, сколько ты пожелаешь. Больше того, я постараюсь доставить сюда для тебя хорошенькую медведицу и впрысну ей в мозг такое же вещество, как и тебе, чтобы твоя подруга была вполне достойна тебя...

А через неделю, когда все обитатели острова Сант-Круа уже окончательно пришли в себя, профессор Мэтьюн и другие ученые уехали на соседние острова Карибского моря, чтобы и там провести необходимые работы по ликвидации последствий заражения спорами Бемиса.

Медведь по имени Джонни все время проводил в библиотеке. Он вновь принялся за пятый том Британской энциклопедии и вчитывался в раздел «Химия». Он надеялся, что профессор Мэтьюн вернется через какой-нибудь месяц, а может быть, и раньше, и найдет время, чтобы разъяснить ему все непонятные места в тексте. А пока он должен постараться одолеть эту премудрость собственными силами.

Перевел с английского Н. СИТНИКОВ

Рис. В. КОЛОТОВА

